

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136

В. В. Антонченко*

Кризис уголовной политики

Аннотация. Уголовная политика России сегодня не соответствует современным представлениям о ее роли и месте в обеспечении правопорядка и безопасности населения. Современное уголовное законодательство отличается бессистемностью, разбалансированностью и, как следствие, низкой превентивной эффективностью. Это состояние уголовно-правовой отрасли давно является очевидным для научного сообщества и справедливо им критикуется. В статье исследуются ключевые дефекты уголовного законодательства и предлагаются принципы его совершенствования, связанные с рационализацией и оптимизацией уголовного закона в соответствии с современными представлениями о преступности и борьбе с ней. Карательной политике государства, не достигающей цели предупреждения преступности, а лишь провоцирующей ее рост, должен прийти на смену другой, более плодотворный, рациональный подход, основанный на современных представлениях о праве и охраняемых им ценностях, учитывающий научно обоснованные доводы криминологов и не подверженный политической, идеологической и любой иной конъюнктуре.

Ключевые слова: право; уголовное право; уголовно-исполнительное право; законодательство; уголовная политика; преступление; наказание; гуманизация; осужденные; исправление; пенитенциарная политика.

Для цитирования: Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 123–136. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.

Criminal Policy Crisis

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Far Eastern Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia for Educational and Scientific Work (Vladivostok)

р. Ajax 27, о. Russky, Vladivostok, Russia, 690922
antovadim@yandex.ru

Abstract. Russia's criminal policy today does not correspond to modern ideas as to its role and place in ensuring law and order and the safety of the population. Modern criminal legislation is characterized by lack of consistency, imbalance and, as a result, low preventive effectiveness. This state of the criminal law branch has long been obvious to the academia who have rightly criticized this. The paper examines the key defects of criminal legislation and proposes principles for its improvement related to the rationalization and optimization of criminal law in accordance with modern ideas about crime and the fight against it. The punitive policy of the state, which does not achieve the goal of crime prevention, but only provokes its growth, must be replaced by another, more fruitful, rational approach, based on modern ideas about law and the values protected by it, taking into account scientifically substantiated arguments of criminologists and not subject to political, ideological and any other situation.

© Антонченко В. В., 2023

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России по учебно-научной работе (г. Владивосток)
п. Аякс 27, о. Русский, г. Владивосток, Россия, 690922
antovadim@yandex.ru

Keywords: law; criminal law; penal law; legislation; criminal policy; crime; punishment; humanization; convicts; correction; penal policy.

Cite as: Antonchenko VV. Criminal Policy Crisis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):123-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.123-136.

Введение

Деятельность государства по выработке средств и методов борьбы с преступностью, защите граждан и общества от преступных посягательств традиционно находится в фокусе внимания криминологов. Политические, экономические, социальные и криминальные трансформации, продолжающиеся в России последние несколько десятилетий, обостряют актуальность исследования данной сферы государственно-правовых отношений. Прогресс уголовной политики не может оставаться в стороне от глобального, основанного на достижениях политики и права движения общества от низших состояний к высшим. Этот процесс отягощен различными отклонениями (регрессом), связанными с историческими, культурными, религиозными и иными обстоятельствами, обуславливающими в том числе и кризис уголовной политики, оказывающий прямое влияние на правопорядок и безопасность общества. Противостоять этому кризису может среди прочих факторов и развитие теоретико-правового познания как прогресса идей, теорий и взглядов на должное соотношение преступления и наказания.

На недостатки уголовного закона и уголовной политики в разные периоды развития государства и уголовного права как науки указывали ученые: М. Д. Шаргородский, А. Э. Жалинский, А. А. Тер-Акопов, Я. И. Гилинский, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеев, В. А. Номоконов и др.

Сегодня несомненными дефектами отечественного уголовного законодательства являются: крайне высокая степень нестабильности; подчиненность уголовного закона различным видам конъюнктур (прежде всего политической); криминализация деяний, не обладающих должной для того, чтобы считаться преступлением, степенью общественной опасности; большое

количество преступлений с формальным составом, где обязательным признаком объективной стороны является деяние, не причинившее вред; недостаточная целенаправленность на защиту основных ценностей: жизни и здоровья человека; недостаточный правовосстановительный потенциал уголовного закона, ограниченный его чрезмерным карательным характером.

Рассматривая проблемы отечественной уголовной политики, автор использует социологический, догматический и формально-логический методы. Уголовное законодательство и правоприменение в России должно следовать общемировым трендам развития человеческой цивилизации. Криминологи и социологи, знакомые с данной проблематикой, в своем большинстве выступают за доказавшую свою эффективность гуманизацию уголовной политики (и права в целом), декриминализацию большого количества деяний, общественная опасность которых должна получить социальную переоценку¹. В основе этого процесса лежит перцепция общественным сознанием и правом конституционной максимы о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Нестабильность уголовного законодательства и проблемы криминализации деяний

Стабильность законодательства лежит в основе стабильности всей правовой среды как единства законодательства, эффективного правоприменения, правовой культуры и правосознания. Продуктивное обеспечение государственной деятельности по реализации правовых предписаний в жизни в отсутствие стабильности законодательства представляется невозможным.

¹ Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Алетейя, 2021. С. 112.

Уголовный кодекс России, принятый в 1996 г. и введенный в действие с 1 января 1997 г., к настоящему времени претерпел такое количество редакций, что от первоначального его варианта мало что осталось. За прошедшие 26 лет (по состоянию на 15 марта 2023 г.) было принято 308 (!) изменяющих Уголовный кодекс РФ федеральных законов, т.е. этот закон менялся почти ежемесячно. Один этот факт, даже без детального анализа сущности закона и сути этих изменений, свидетельствует о серьезных проблемах государства в крайне важной отрасли права, находящейся в авангарде борьбы с общественно опасными деяниями.

Отсутствие стабильности не единственный недостаток отрасли уголовного права, это лишь одна из причин его разбалансированности, бессистемности и, как следствие, низкой эффективности всей уголовной политики. Одним из главных дефектов, обуславливающих это несоответствие, является подчиненное положение уголовной политики (и права в целом) политической конъюнктуре.

Процесс уголовно-правового нормотворчества по признанию определенных деяний преступлениями и установления за их совершение уголовной ответственности, именуемый криминализацией², субъективен и может быть обременен различными факторами, которые сами по себе к общественно опасным деяниям и их последствиям не имеют никакого отношения. На состояние законодательства (и не только уголовного) влияют политическая целесообразность (как ее видят представители высших властных уровней); законный и незаконный лоббизм в интересах отдельных выгодоприобретателей; компетентность законодателя, его взгляд на устройство общества, подчиненный определенным доктринам, стереотипам и мифам; отягощенность религиозными и идеологическими установками и т.д.

Представления о природе зла менялись на протяжении всей человеческой истории и были связаны прежде всего с религиозным мировоз-

зрением общества³. Социумом выработаны неизменные образы преступного, основанные на общепризнанных стандартах справедливости и морали. Так, везде и всегда преступлениями признаются убийство, кража, грабеж, разбой, изнасилование и иные очевидные деяния, несущие вред и представляющие опасность для человека. В отношении подобных деяний наказание, даже не достигающее заявленных целей, необходимо. Реальное зло, отрицать существование которого невозможно, требует общественного противодействия. Ненаказанное зло способно повторяться и множиться. Санкция, пусть и неспособная восстановить социальную справедливость и исправить осужденного, может в какой-то степени пресечь распространение зла, в этом ее главная функция, коррелирующая с превентивной целью наказания.

Наиболее радикальные изменения во взглядах на зло и, как следствие, преступность деяний связаны с секуляризационными социальными процессами в эпоху Просвещения, ограничившими влияние религии и церкви на повседневную общественную жизнь. Вектор развития уголовной политики в мире следует общему направлению эволюции права и общества, связанному с рационализацией и гуманизацией всех социальных процессов. Мировыми трендами, признаками этого вектора, воплощающимися в законодательстве большинства развитых стран, становится запрет смертной казни и телесных наказаний, отказ от каторжных работ и общей конфискации имущества, появление наказаний, альтернативных лишению свободы, и оснований для освобождения от ответственности или ее смягчения, установление особого уголовно-правового режима для определенных категорий граждан (женщин, несовершеннолетних), введение административной преюдиции, а также декриминализация деяний, ранее считавшихся преступными в различных странах (смешанные браки, гомосексуальность, преступления против веры и церкви и пр.).

² Бытко Ю. И. Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6. С. 127–135.

³ Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. М. : Политиздат, 1992. С. 114.

Если криминализацией деяния можно «создать» преступление, то очевидно, что таким же образом можно создать и преступника. И это актуально в отношении «неочевидных» преступлений, преступлений с формальным составом и неосторожных деяний. Противоречивость уголовного права заключается в том, что его нормы, якобы защищая права и свободы потерпевшего, самым существенным образом их нарушают в отношении лица, подвергающегося уголовному преследованию. Частица «якобы» в предыдущем предложении указывает на предположительность этой защиты: карательная, а не правовосстановительная направленность действия уголовного права вызывает сомнение в достоверности охраны прав потерпевшего. Более того, вред от некоторых деяний нельзя восстановить в принципе: так, являются необратимыми все преступления против жизни и здоровья. Вместе с тем достижение целей наказания, перечисленных в ст. 43 УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений), настолько утопично, что криминологи заявляют о ненужности и даже вредности уголовного закона⁴. С этим можно спорить, однако данный спор не лишает отечественное уголовное законодательство системных дефектов, связанных с противоречивостью и уголовно-правовой несостоятельностью.

Многие нарушения правил в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ), основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ) лишены той степени общественной опасности, которая необходима для признания данных деяний преступными. По существу, данные деяния являются либо гражданско-правовыми деликтами, либо административными проступ-

ками, либо псевдопреступлениями, образованными в интересах правящих групп⁵.

Экономика государства, использующего устаревшие карательные подходы к тем деяниям, общественная опасность которых преувеличена, как и к деликтам, где требуется не карательное, а правовосстановительное воздействие, несет невосполнимый ущерб от исключения из общества сотен тысяч людей. Такая уголовная политика не способствует превентивному воздействию на преступность, наоборот, большое число людей, сталкиваясь с российской пенитенциарной реальностью, не только асоциализируется, но и приобретает криминальный опыт, лежащий в основе рецидивной преступности. Наконец, существующая при подобном карательном векторе уголовной политики правоприменительная практика может подталкивать недобросовестных правоохранителей на совершение преступлений (полагаемых автором наиболее опасными), связанных с фальсификацией уголовных дел.

Иррациональность уголовного закона проявляется в излишней криминализации деяний либо их излишней детализации, не отвечающей ни нуждам общества, ни интересам государства. Например, в 2012 г. статья 159 УК РФ была необоснованно, по мнению многих ученых, расширена статьями 159.1–159.6, не добавляющими существенного содержания в состав мошенничества, но конкретизирующими произвольно избранные сферы: мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием электронных средств платежа, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации⁶. Чем была вызвана такая конкретизация — неясно и до сегодняшнего дня.

Разрушительная иррациональность лежит также в основе ст. 148 УК РФ, защищающей от оскорбления некие «религиозные чувства верующих». Религиозные чувства — это эмоцио-

⁴ Гилинский Я. И. Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб. : Астерион, 2022. С. 10–18.

⁵ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 91.

⁶ Голик Ю. В., Коробеев А. И. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. 2013. № 2. С. 16–17.

нальное отношение верующих к сакральным существам, связям, к сакрализованным вещам, животным, растениям, персонам, местам, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в природе, обществе и к миру в целом⁷. По поводу своих представлений об устройстве мира люди могут испытывать самые разные чувства и эмоции: страх, любовь, восхищение, благоговение, радость, надежду, ожидание и т.д. Нет никаких оснований полагать, что религиозные чувства каким-то образом отличаются от обычных человеческих эмоций, которые всегда индивидуальны. В мире тысячи религий, конфессий и церквей, различающихся между собой и, как правило, находящихся в конфликте между собой; даже если предположить существование «общих» чувств некой группы людей, то их защита уголовным законом при отсутствии аналогичной защиты иных групп (людей другой веры, прихожан иной церкви, атеистов, агностиков, деистов, пантеистов и т.д.) нарушает фундаментальный принцип равенства. Практическая реализация данной нормы в конкретном деле отягощается требующими разрешения, но неразрешимыми с точки зрения права вопросами об истинности веры, о действительной религиозности чувств и т.п.

Если главным и единственным основанием криминализации является воля власти, правительства, режима, не учитывающая научно обоснованных криминологических доводов, однако подверженная при этом мифологическому, идеологическому, а то и коррупционному влия-

нию, то создание ее рациональной модели не представляется возможным⁸. Эти недостатки ставят под сомнение само существование уголовной политики как определенного и устойчивого направления в деятельности государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом. Более того, в данных условиях реализация уголовного закона как весьма опасного средства воздействия на социальные отношения может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы⁹.

Закон не считает уголовно наказуемым деянием потребление наркотических средств. Однако незаконные приобретение, хранение, перевозка и иные формы оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов являются преступлением, а совершенные в особо крупном размере — особо тяжким преступлением. Законодатель лукаво не замечает, что употребление этих средств невозможно без их приобретения и хранения. Это лукавство дорого обходится обществу: ежегодно по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, осуждается около 100 тыс. человек; не менее четверти осужденных, отбывающих реальное наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, осуждены по ст. 228–234 УК РФ. Медико-социальные последствия неумеренного употребления алкоголя, оборот которого практически неограничен, значительно превышают вред от оборота средств, запрещенных в России¹⁰, но легализованных в большинстве цивилизованных стран, поэтому

⁷ Религиоведение : учеб. пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И. Н. Яблокова. М. : Гардарики, 2000. С. 117.

⁸ Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. Минск : БГУ, 2018. С. 87–88.

⁹ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 15, 56, 68.

¹⁰ Кошкина Е. А., Павловская Н. И., Ягудина Р. И. [и др.] Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения». URL: <http://vestnik.mednet.ru/> (дата обращения: 05.05.2023); Мокаева Б. И. Алкоголизм и наркомании как провоцирующие факторы криминальной агрессии. Социальная опасность наркологических больных // Наркология. 2008. № 4. С. 91–92; Москаленко В. Д. Медицинские последствия алкоголизма и наркомании // Там же. 2007. № 7. С. 52–57.

тяжесть уголовной репрессии по данным делам не соответствует их общественной опасности. Глобальная комиссия по вопросам наркополитики (Global Commission on Drug Policy (GCDP)) призывает к легализации большинства наркотических веществ, признав, что силовые методы борьбы с наркотиками лишь провоцируют рост преступности в этой сфере и увеличивают смертность от передозировки¹¹. Антинаркотическое законодательство должно быть пересмотрено с учетом зарубежного опыта, делающего акцент в борьбе с наркотизацией населения на защите от проникновения в общество действительно разрушающих веществ¹².

Проблемы уголовно-правовой охраны личности

Уголовно-правовая политика в сфере охраны личности следует состоянию уголовной политики в целом, т.е. не является ни системной, ни эффективной. Уголовный кодекс, декларируя, что «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» (ст. 7), и начиная Особенную часть разделом «Преступления против личности», на самом деле не выделяет охрану жизни и здоровья человека в качестве приоритетной задачи. Так, конструкция п. «а» ч. 2 ст. 105, предусматривающего наказание за убийство двух или более лиц, низводит уголовно-правовую оценку убийства третьего и любого последующего человека к фикции. После убийства второго человека все последующие убийства могут быть описаны и квалифицированы с точки зрения статистики, но не уголовного права. При этом нет необходимости доказывать, что убийство, например, пяти человек гораздо тяжелее, чем убийство четы-

рех. Рассматривая проблему неэффективности превентивных уголовно-правовых мер в случаях с множественными убийствами, ученые предлагали, в частности, включить в ст. 105 УК РФ часть 3, предусматривающую ответственность за массовое убийство как особо квалифицирующий признак данного преступления¹³, однако и эта мера не выделяет особым образом жизнь человека из числа иных ценностей и не решает практических вопросов: при каком количестве убийств можно говорить о том, что оно массовое? Где провести грань между новой нормой и существующей сегодня (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), уже предусматривающей максимальное наказание за убийство двух или более лиц в виде пожизненного лишения свободы (и теоретически в виде смертной казни)? Жизнь человека как особый уникальный объект требует и особых уголовно-правовых правил ее охраны: лишение жизни каждого человека должно получать отдельную правовую оценку и отдельное наказание, сложение которых между собой должно образовывать окончательное наказание без ограничения его меры и срока.

Вместе с выделением норм, охраняющих жизнь и здоровье человека, в отдельную главу уголовный закон в конструкции иных статей в других главах низводит безопасность человека от высшей ценности до квалифицирующего признака. Представляется необходимым исключить смерть человека как квалифицирующий признак (и как обстоятельство,отягчающее наказание в силу ст. 63 УК РФ) любых преступлений: как неосторожных, так и умышленных. При этом в случае причинения смерти в результате неосторожного деяния дополнительно квалифицировать его по ст. 109, а в случае умышленного преступления — по ст. 105 УК РФ¹⁴.

¹¹ URL: <https://www.globalcommissionondrugs.org/> (дата обращения: 05.05.2023).

¹² ООН: Россия занимает первое место в мире по потреблению героина // Сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2009/10/22/geroin-anons.html> (дата обращения: 05.05.2023).

¹³ Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 216; Морозов В. И., Шарапов Р. Д. Совершенствование уголовной ответственности за множественные убийства // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 127–132; Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. С. 51.

¹⁴ Антонченко В. В. Уголовное право на охране жизни человека // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 118–125.

Статья 19 Конституции России устанавливает равенство людей перед законом и судом. Этот конституционный (и цивилизационный) принцип развивается в ст. 4 УК РФ, определяющей, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Одновременно законодатель в ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), ст. 295 (посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя в связи с их профессиональной деятельностью либо из мести за такую деятельность, а равно их близких), ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) фактически дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от должностного положения потерпевшего, устанавливая в указанных случаях не только больший размер наказания, но и более строгие виды наказаний.

Неправовой характер носят и статьи 297, 319, 336 УК РФ, защищающие от оскорбления судей, представителей власти и военнослужащих при исполнении ими служебных обязанностей. Оскорбление заключается в негативной оценке органа, лица либо их деятельности, причем о «неприличной форме» как обязательном признаке деяния, в отличие от ст. 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ, уголовный закон не упоминает. Поскольку такая оценка представителя власти есть не что иное, как критика, постольку основным назначением указанных составов преступления является защита от критики. Однако в условиях отсутствия критики властные органы и их должностные лица не способны выполнять

свое предназначение, понимаемое в свете современных представлений о правовом социальном государстве.

Равенство граждан перед законом и свобода слова могут быть неприемлемы для определенных людей, социальных групп и даже общественной морали. Однако общество, стремящееся к социальной справедливости и благополучию, должно признать эти «издержки демократии» необходимым «злом», поскольку на другой чаше весов лежит всегда сохраняющаяся возможность возвращения в социальное пространство аморальности, несвободы, легко трансформирующаяся в свободу зла, тиранию и рабство.

Решение указанной дилеммы в демократическом государстве иллюстрирует процесс «Журнал “Хастлер” против Фалуэлла» (США, 1988), ставший основой для сценария художественного фильма «Народ против Ларри Флинта» (The People vs Larry Flynt). Помимо важнейших вопросов поиска баланса в столкновении индивидуальной свободы с общественной моралью и религией, данное дело вызывает интерес каузацией довода о том, что возможность публичного лица подвергнуться нападкам любого рода (в том числе и полагаемым оскорбительными) является неотъемлемым от его статуса элементом профессионального риска, к которому это лицо, добровольно принявшее на себя данные обязанности, должно быть готово: «Суд расширяет право критиковать тех, кто находится на виду у общества»¹⁵.

Представляется, что вред от норм, подобных указанным выше, превышает их потенциальную полезность, позволяя недобросовестным властным субъектам реализовывать свои личные, узкогрупповые и иные, как правило, меркантильные интересы, применяя действующее законодательство. Личности с отклоняющимся поведением присутствуют во всех общественных стратах, в том числе и во властных структурах; поддержка неправовых (с точки зрения естественного права) деяний нормами уголов-

¹⁵ Court, 8-0, Extends right to criticize those in public eye // Сайт New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1988/02/25/us/court-8-0-extends-right-to-criticize-those-in-public-eye.html> (дата обращения: 05.05.2023).

ного закона свидетельствует о нравственной катастрофе в управленческой и правоохранительной деятельности, о криминальной болезни власти, угрожающей безопасности социума.

Наказание и уголовно-исполнительная политика

Уголовно-исполнительная политика государства определяет цели уголовных наказаний, порядок их исполнения и применения к осужденным мер исправительного воздействия. Будучи производной от уголовной политики, уголовно-исполнительная политика следует ее состоянию и получает от первой присущие той признаки бессистемности, разбалансированности и неэффективности.

Ученые давно выражают скепсис относительно достижимости декларируемых целей наказания (ст. 43 УК РФ), говоря о том, что ни восстановления социальной справедливости (в силу разного понимания справедливости как таковой у разных людей, социальных групп и общественных страт), ни исправления осужденного (в силу психолого-педагогических и социальных детерминант преступности), ни предупреждения совершения новых преступлений (о чем свидетельствует состояние преступности на протяжении всей человеческой истории) применением наказания добиться невозможно. А. А. Тер-Акопов считает глубоко ошибочной формулировку одной из целей наказания — обеспечение социальной справедливости,

утверждая, что цель у наказания одна — справедливое возмездие¹⁶. Я. И. Гилинский говорит о наказании как о криминогенном факторе¹⁷. Представляется, что вред любого наказания является его имманентной особенностью.

Вместе с тем сегодня нет иного, альтернативного наказанию варианта реагирования общества на преступность, и следовательно, перед юридической наукой стоит задача предложить такие виды наказания и порядок их исполнения, которые, во-первых, не наносили бы социуму неприемлемый вред, во-вторых, хоть в какой-то степени приближали бы к заявленным целям.

Отечественный уголовный закон предусматривает 13 видов наказаний (ст. 44 УК РФ), большинство из которых обоснованно критикуется. Прежде всего, из указанных в законе с момента его издания не применялись два вида наказания: смертная казнь и арест.

Смертная казнь применялась ранее согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Указание на нее в Конституции России и УК РФ (ст. 59) и фактически одновременный мораторий на ее применение, установленный Президентом РФ и подтвержденный Конституционным Судом РФ¹⁸, в соответствии с которым наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться, являются основанием для продолжения дискуссии в среде ученых, политических, общественных и религиозных деятелей о возможности и необходимости возвращения смертной казни в практику наказаний¹⁹. Смертная казнь, как умышленное убийство человека, с

¹⁶ Тер-Акопов А. А. Нравственность и право : сборник избранных научных статей проф. А. А. Тер-Акопова // Российский военно-правовой сборник. 2005. № 6. С. 36.

¹⁷ Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сборник статей. СПб. : Алетей, 2017. С. 115–120.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета РФ от 16.07.1993 “О порядке введения в действие Закона РФ “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» ; определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П».

¹⁹ Смертная казнь: за и против : сборник / сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова ; под ред. С. Г. Келиной. М. : Юрид. лит., 1989. 525 с.

философско-правовых, морально-нравственных, этических и гуманитарных позиций является не наказанием, а преступлением, худшим видом убийства (по Б. Шоу). Пагубность данного вида наказания состоит в том, что оно оправдывает убийство в общественном сознании, низвергая высшую ценность — жизнь человека — на уровень волевого акта²⁰. В наши дни само наличие в законодательстве данного вида наказания позорит отечественный уголовный закон и требует скорейшего изъятия. Даже неприменяемая, смертная казнь разрушает принципы общественной морали и нравственности, заключающиеся в неприкосновенности человеческой жизни.

Арест (ст. 54 УК РФ), заключающийся в строгой, но кратковременной изоляции осужденного от общества, представляется очень эффективным видом наказания. Строгая изоляция оказывает на арестованного мощное морально-психологическое воздействие, однако кратковременность изоляции и ее условия уменьшают возможность асоциализации осужденного, усвоения им преступной модели поведения и криминальных навыков. В соответствии с Федеральным законом от 13.06.1996 № 64-ФЗ Положение о наказании в виде ареста должно было быть введено не позднее 2006 г., однако это требование закона до сих пор не реализовано. Объяснение неприменения ареста в течение 26 лет с момента принятия уголовного кодекса отсутствием арестных домов как условия для исполнения этого вида наказания не выдерживает критики, однако других объяснений обществу не предъявлено.

Большинство из применяемых сегодня в России 11 видов уголовных наказаний отягощены системными дефектами, не только нивелирующими их исправительное воздействие на осужденного, но и имеющими обратный эффект распространения криминальной контркультуры и осложнения криминальной ситуации в стране.

Пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), существующее как альтернатива смертной казни, обладает таким же, как и у смертной казни, признаком философско-правовой фатальности, отрицающей почти всякую возможность благополучного исхода для осужденного, что принципиально противоречит задаче его исправления. Одно это ставит вопрос о целесообразности данного вида наказания. Рациональность данного вида наказания также ставится под сомнение тем, что лишение свободы на определенный срок (до 20 лет, а в ряде случаев (по совокупности приговоров) до 35 лет (ст. 56 УК РФ)) обладает достаточным карательным потенциалом²¹. Кроме того, лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть условно-досрочно освобождено через 25 лет (ч. 5 ст. 79 УК РФ), что в сравнении с лишением свободы на определенный срок подрывает логику данного наказания.

Лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ) в России является наиболее традиционным видом уголовного наказания. При этом вряд ли оправданно существование в соответствии со ст. 58 УК РФ нескольких видов режимов отбывания наказания (4 вида исправительных колоний, тюрьма, воспитательные, лечебно-исправительные учреждения) и нескольких видов условий (ст. 87 УИК РФ) в каждом из них (обычные, облегченные и строгие условия — в колониях; общий и строгий режим — в тюрьмах). Различия между режимами и условиями содержания заключаются лишь в количестве средств, которые осужденные могут ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости; количестве краткосрочных и длительных свиданий в течение года; количестве посылок или передач в течение года. В камерах и запираемых помещениях условия и режимы отбывания наказания влияют также на длительность ежедневной прогулки (от 1,5 до 3 часов). Представляется,

²⁰ Курс уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании. С. 88.

²¹ О предлагаемых автором принципах наказания за особо тяжкие преступления против жизни (сложение сроков наказания за причинение каждой смерти без ограничения общего срока наказания) автором указывалось выше.

что в XXI в. дифференциацию осужденных по доступу к продуктам питания и пользованию предметами первой необходимости (как, собственно, и их ограничение) вряд ли можно полагать эффективной мерой исправительного воздействия. Тем более это справедливо в отношении свиданий с родными и близкими, которые являются мощным средством ресоциализации осужденного. Никаких иных последствий, кроме озлобления, деградации личности, разрушения физического и психического здоровья человека, содержащегося в условиях российской тюрьмы, предполагающих существенные ограничения в питании, предметах первой необходимости, общении с близкими, ожидать не приходится. В пенитенциарных учреждениях ФСИН России в январе 2023 г. содержалось более 430 тыс. человек. Данное количество заключенных само по себе опровергает возможность реализации принципов, утвержденных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ²², по реабилитации правонарушителей на основе индивидуализированного обращения с ними, обуславливая репрессивные методы «исправления». Признавая крайнюю неэффективность лишения свободы, необходимо полагать его высшим и исключительным видом наказания, единственный смысл которого — в изоляции лица, представляющего опасность для общества. При этом условное осуждение (ст. 73 УК РФ), разоружающее существующую «лестницу наказаний» и превращающее наказание в профанацию, недопустимо.

Принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ) применяются как альтернатива лишению свободы, при отбывании которых, однако, осужденный помещается в специализированное учреждение — исправительный центр. Существование данного вида наказания противоречит не только уголовно-правовому смыслу и общим началам назначения наказания (в случае назначения принудительных работ применяется более строгое наказание — лишение свободы, а

затем оно может быть заменено на менее строгое, что противоречит принципу: более строгое наказание применяется, если менее строгое не позволяет обеспечить достижение целей наказания), но и простой логике: принудительные работы, не связанные с изоляцией осужденного от общества, но фактически прекращающие для него социально полезные связи, существуют наряду с лишением свободы в колонии-поселении с фактически такими же условиями²³. Об эффективности же данного вида наказания, рассчитанного на выполнение низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работ в условиях рыночной экономики, говорить не приходится.

Содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ) ранее представлялось необходимым видом наказания, позволяющим в ряде случаев совершившему преступление военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, избежать лишения свободы. В наши дни оно утратило актуальность в связи с увеличивающейся долей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, к которым данный вид наказания не применяется. Об утрате актуальности свидетельствует то, что в России существуют лишь две дисциплинарные воинские части с незначительным количеством осужденных. Для Минобороны РФ, в структуре которого существуют дисциплинарные воинские части, исполнение уголовных наказаний является непрофильной функцией, что также ставит под сомнение эффективность данного вида наказания.

Исправительные работы (ст. 50 УК РФ) назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. В первом случае осужденный отбывает исправительные работы по основному месту работы — наказание фактически является «штрафом в рассрочку», поскольку сводится к удержанию в доход государства от 5 до 10 % заработной платы. Это также справедливо и для *ограничения по военной службе* (ст. 51 УК РФ).

²² Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года».

²³ Ложкина Л. В. Принудительные работы как вид наказания: вопросы назначения и исполнения // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. № 2. С. 265–270.

Во втором случае осужденный отбывает наказание в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Неработающие граждане, как правило, и не желают работать, относятся к социально запущенным маргинальным категориям населения. Сотрудники уголовно-исполнительной инспекции сталкиваются со значительными трудностями как при их трудоустройстве, так и при последующем надзоре за ними. В условиях рыночной экономики, безработицы, незаинтересованности работодателя в получении неквалифицированного недисциплинированного работника с маргинализированным сознанием исполнение данного вида наказания является крайне неэффективным. Данная неэффективность является производной от контрпродуктивности любого принудительного труда. Выполнение трудовой функции, предусматривающей работу по определенной профессии и квалификации за установленную заработную плату, может производиться только в рамках трудового права и добровольно заключенного трудового договора. Принудительный труд в XXI в. должен быть исключен из уголовно-исполнительного арсенала. Это не относится к обязательным работам, которые выполняются в свободное от основной работы время, имеют недобровольный и исключительно «наказательный» характер и не подлежат оплате.

Наиболее соответствующими современным представлениям из действующих наказаний представляются штраф (ст. 46 УК РФ), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), ограничение свободы (ст. 53 УК РФ), т.е. разумные наказания, не являющиеся затратными для государства, не разрушающие

семейные связи, здоровье и психику человека, не влекущие за собой потерю трудовых навыков и одновременно приобретение криминального опыта.

Лишение свободы как исключительная мера наказания должна применяться только за тяжкие преступления против личности. Установленные сейчас сроки лишения свободы — до 25–35 лет — абсурдны и не имеют ничего общего ни с целями наказания, ни с задачами правосудия. Условия и сроки отбывания наказания должны соответствовать современным взглядам на исправление и ресоциализацию осужденных. В любом случае пенитенциарная система не может быть криминальной школой для новичков и местом повышения квалификации для рецидивистов.

Выводы

Правовая реальность в отечественном уголовно-правовом пространстве далека от современных научно обоснованных представлений о должном регулировании данной сферы. Современный уголовный закон, представляющий собой компиляцию из нескольких сотен федеральных законов, оказывает негативное воздействие не только на граждан и общество, но и на правоохранительные органы, дезорганизуя их деятельность²⁴.

Острейшей задачей уголовной политики и первейшей целью уголовного законодательства является охрана наиболее значимых ценностей, которые можно полагать универсальными. Набор этих ценностей очевиден вне зависимости от общественного устройства и политического режима, их абсолютность подтверждена всем ходом исторического развития человеческой цивилизации — это права человека на жизнь, здоровье и безопасность. Обеспечение этих ценностей возможно лишь в условиях дейст-

²⁴ Славская Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. 2017. № 1. С. 40–44 ; Цепелев В. Ф. Творческое наследие М. Д. Шаргородского в контексте уголовной политики // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти проф. М. Д. Шаргородского. СПб. : Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2005. С. 40–43.

вительного признания обществом, государством и правом значимости свободы, равенства и справедливости, выступающих в современном мире в качестве самостоятельных ценностей, также требующих государственно-правовой защиты. Именно на обеспечение реальности данной взаимосвязи должна быть направлена уголовная политика государства, полагающего себя цивилизованным, при отборе ценностей, в охране которых заинтересовано общество, и при определении баланса между личной свободой и коллективной безопасностью.

Сегодня преступность объясняется прежде всего социальными детерминантами, коммуницирующими с психическими, физиологическими и иными особенностями личности. Вместе с тем общество не освобождено (и, видимо, никогда не будет освобождено) от мистифицированного взгляда на социальную реальность и причинно-следственные связи в ней. Подобный взгляд неизбежен для индивидуального и общественного сознания, являющегося функцией, отражающей несовершенство знаний о природе и обществе, и обостряется во время социально-политических кризисов. Уголовное законодательство, а также законодательство и право в целом как коллективный интеллектуальный продукт, формирующийся под воздействием материальной практики, должно стремиться избавиться от влияния на него иррационализма, сиюминутной политической конъюнктуры и властных интересов, представляемых обществу как общенациональные.

Уголовная политика должна развернуться от карательных идей к правовосстановительному

мировоззрению. Этот разворот возможен лишь при условии перцепции общественным правосознанием современных взглядов на право, внедрения их в правовую культуру. Мудрость законодателя (и правоприменителя) в этой сфере состоит в соблюдении баланса, в непричинении действием закона вреда большего, чем причинено преступлением. Очевидным следствием из аксиомы о приоритете прав человека (ст. 2 Конституции РФ) как исходной нормы для формирования всего законодательства является постулирование главной задачи уголовной политики — защиты прав и свобод человека и гражданина. Главной целью уголовного правосудия должна быть не месть преступнику, маскируемая терминами «кара», «возмездие», «восстановление социальной справедливости», а охрана законных интересов потерпевшего и предупреждение совершения новых преступлений.

Ученые давно говорят о противоречивости и бессистемности принимаемых Государственной Думой РФ законодательных актов по изменению уголовного закона²⁵. Однако если ранее преобладало мнение, что необходимости принятия нового Уголовного кодекса нет и достаточно принятия его новой редакции, то сегодня массив накопленных системных дефектов в этой сфере уже не позволяет совершенствовать ее без радикальных мер. Требуется разработка и принятие нового уголовного закона, учитывающего все современные представления об эволюции государства и права, о правовом государстве и об объективных цивилизационных ценностях, обеспечивающих общественный прогресс.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Антонченко В. В.* Уголовное право на охране жизни человека // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 12 (73). — С. 118–125.
2. *Бытко Ю. И.* Криминализация как важнейшая составляющая уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 6. — С. 127–135.
3. *Гилинский Я. И.* Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб. : Астерион, 2022. — 716 с.

²⁵ *Якубов А. Е.* Проблемы уголовного законотворчества: нужен ли новый уголовный кодекс? // Вестник МГУ. Серия 11, Право. 2015. № 4. С. 73–85.

4. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сборник статей. — СПб. : Алетейя, 2017. — 280 с.
5. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). — СПб. : Алетейя, 2021. — 136 с.
6. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. — 2013. — № 2. — С. 16–17.
7. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 296 с.
8. Кошкина Е. А., Павловская Н. И., Ягудина Р. И. [и др.] Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Информационно-аналитический вестник «Социальные аспекты здоровья населения». — URL: <http://vestnik.mednet.ru/> (дата обращения: 05.05.2023).
9. Курс уголовного права / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М. : Зерцало, 2002. — Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании. — 291 с.
10. Ложкина Л. В. Принудительные работы как вид наказания: вопросы назначения и исполнения // Вестник Удмуртского университета. — 2021. — Т. 31. — № 2. — С. 265–270.
11. Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. — Минск : БГУ, 2018. — С. 87–88.
12. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 579 с.
13. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000. — С. 216.
14. Мокаева Б. И. Алкоголизм и наркомании как провоцирующие факторы криминальной агрессии. Социальная опасность наркологических больных // Наркология. — 2008. — № 4. — С. 91–92.
15. Морозов В. И., Шарапов Р. Д. Совершенствование уголовной ответственности за множественные убийства // Вестник Тюменского гос. университета. — 2006. — № 1. — С. 127–132.
16. Москаленко В. Д. Медицинские последствия алкоголизма и наркомании // Наркология. — 2007. — № 7. — С. 52–57.
17. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 896 с.
18. Религиоведение : учеб. пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И. Н. Яблокова. — М. : Гардарики, 2000. — 536 с.
19. ООН: Россия занимает первое место в мире по потреблению героина // Сайт «Российской газеты». — URL: <https://rg.ru/2009/10/22/geroin-anons.html> (дата обращения: 05.05.2023).
20. Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. — М. : Политиздат, 1992. — 351 с.
21. Смертная казнь: за и против : сборник / сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова ; под ред. С. Г. Келиной. — М. : Юрид. лит., 1989. — 525 с.
22. Сплавская Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Государство и право в XXI веке. — 2017. — № 1. — С. 40–44.
23. Тер-Акопов А. А. Нравственность и право : сборник избранных научных статей проф. А. А. Тер-Акопова // Российский военно-правовой сборник. — 2005. — № 6.
24. Цепелев В. Ф. Творческое наследие М. Д. Шаргородского в контексте уголовной политики // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти проф. М. Д. Шаргородского. — СПб. : Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2005. — С. 40–43.
25. Якубов А. Е. Проблемы уголовного законотворчества: нужен ли новый уголовный кодекс? // Вестник МГУ. Серия 11, Право. — 2015. — № 4. — С. 73–85.

Материал поступил в редакцию 5 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonchenko V. V. Uголовное право na okhrane zhizni cheloveka // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2016. — № 12 (73). — S. 118–125.
2. Bytko Yu. I. Kriminalizatsiya kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya ugovolnoy politiki // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2016. — № 6. — S. 127–135.
3. Gilinskiy Ya. I. Uголовная политика obshchestva postmoderna // Uголовная политика i pravoprimenitelnaya praktika: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 11 marta 2022 g.) / pod obshch. red. E. N. Rakhmanovoy. — SPb.: Asterion, 2022. — 716 s.
4. Gilinskiy Ya. I. Deviantnost, prestupnost, sotsialnyy kontrol v obshchestve postmoderna: sbornik statey. — SPb.: Aleteyya, 2017. — 280 s.
5. Gilinskiy Ya. I. Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya). — SPb.: Aleteyya, 2021. — 136 s.
6. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Proshlogodnie transformatsii ugovolnogo zakona: replika // Uголовное право. — 2013. — № 2. — S. 16–17.
7. Zhalinskiy A. E. Uголовное право v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyy analiz. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2009. — 296 s.
8. Koshkina E. A., Pavlovskaya N. I., Yagudina R. I. [i dr.] Mediko-sotsialnye i ekonomicheskie posledstviya zloupotrebleniya alkogolem v Rossiyskoy Federatsii // Informatsionno-analiticheskoy vestnik «Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya». — URL: <http://vestnik.mednet.ru/> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
9. Kurs ugovolnogo prava / pod red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkovoy. — M.: Zertsalo, 2002. — T. 2: Obshchaya chast. Uchenie o nakazanii. — 291 s.
10. Lozhkina L. V. Prinuditelnye raboty kak vid nakazaniya: voprosy naznacheniya i ispolneniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. — 2021. — T. 31. — № 2. — S. 265–270.
11. Lopashenko N. A. O zashchite ekonomicheskikh svobod ugovolnym zakonom i ot ugovolnogo zakona // Problemy effektivnosti osushchestvleniya pravookhranitel'noy funktsii v obespechenii sotsialno-ekonomicheskoy stabilnosti v obshchestve: sbornik materialov konferentsii. — Minsk: BGU, 2018. — S. 87–88.
12. Lopashenko N. A. Uголовная политика. — M.: Volters Kluver, 2009. — 579 s.
13. Milyukov S. F. Rossiyskoe uголовное zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza. — SPb., 2000. — S. 216.
14. Mokaeva B. I. Alkogolizm i narkomanii kak provotsiruyushchie faktory kriminalnoy agressii. Sotsialnaya opasnost narkologicheskikh bolnykh // Narkologiya. — 2008. — № 4. — S. 91–92.
15. Morozov V. I., Sharapov R. D. Sovershenstvovanie ugovolnoy otvetstvennosti za mnozhestvennye ubiystva // Vestnik Tyumenskogo gos. universiteta. — 2006. — № 1. — S. 127–132.
16. Moskalenko V. D. Meditsinskie posledstviya alkogolizma i narkomanii // Narkologiya. — 2007. — № 7. — S. 52–57.
17. Popov A. N. Ubiystva pri otyagchayushchikh obstoyatelstvakh. — SPb.: Yuridicheskoy tsentr-Press, 2003. — 896 s.
18. Religiovedenie: ucheb. posobie i uchebnyy slovar-minimum po religiovedeniyu / pod red. prof. I. N. Yablokova. — M.: Gardariki, 2000. — 536 s.
19. OON: Rossiya zanimaet pervoe mesto v mire po potrebleniyu geroina // Sayt «Rossiyskoy gazety». — URL: <https://rg.ru/2009/10/22/heroin-anons.html> (data obrashcheniya: 05.05.2023).
20. Skripnik A. P. Moralnoe zlo v istorii etiki i kultury. — M.: Politizdat, 1992. — 351 s.
21. Smertnaya kazn: za i protiv: sbornik / sost. O. F. Shishov, T. S. Parfenova; pod red. S. G. Kelinoy. — M.: Yurid. lit., 1989. — 525 s.
22. Splavskaya N. V. K voprosu ob effektivnosti deystviya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. — 2017. — № 1. — S. 40–44.
23. Ter-Akopov A. A. Nравstvennost i pravo: sbornik izbrannykh nauchnykh statey prof. A. A. Ter-Akopova // Rossiyskiy voenno-pravovoy sbornik. — 2005. — № 6.
24. Tsepelev V. F. Tvorcheskoe nasledie M. D. Shargorodskogo v kontekste ugovolnoy politiki // Rossiyskoe uголовное право: traditsii, sovremennost, budushchee: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati prof. M. D. Shargorodskogo. — SPb.: Izd. dom SPb. gos. un-ta, 2005. — S. 40–43.
25. Yakubov A. E. Problemy ugovolnogo zakonotvorchestva: nuzhen li novyy ugovolnyy kodeks? // Vestnik MGU. Seriya 11, Pravo. — 2015. — № 4. — S. 73–85.